

ЭСТЕТИКА И ПОЛИТИКА: В.В. РОЗАНОВ О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация

В статье анализируется отношение отечественного философа XIX -начала XX в. В.В. Розанова к социально-политическим феноменам и явлениям. Не будучи политическим мыслителем в строгом смысле слова, Розанов тем не менее имел оригинальные взгляды на многие политические темы. Исследовательский интерес до сих пор представляет особая форма публицистики мыслителя — предельно откровенная, образная, почти дневниковая. В данной статье приводится пример розановских рассуждений о сущности и природе русского человека и государства, истории и политике в их взаимосвязи с проблемой индивидуального бытия, категориями эстетики и нравственности.

Ключевые слова: В.В. Розанов, публицистика, государство, эстетика, монархия.

Автор

Пучнина Ольга Евгеньевна

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

На сегодняшний день, к счастью, фигура В.В. Розанова (1856–1919) не нуждается в особом представлении. Творчество мыслителя столь самобытно, оригинально и глубоко, что и в XXI в. оно остается неизменно интересным и актуальным для исследования. Яркий и плодовитый мыслитель и публицист писал на самые разные темы: религия, семейный и национальный вопрос, литература, политика, философия и т.д. Сегодня проводятся конференции и издаются целые монографии, посвященные идейному наследию В.В. Розанова. Тем не менее, парадоксально, но «Розанов», поистине, неисчерпаем. Антиномичный, зачастую противоречащий сам себе, идущий вразрез с общепринятой точкой зрения и даже нормами приличия, Розанов как никто другой глубоко и оригинально анализирует самые острые (и, к сожалению, почти не имеющие срока давности) социальные, политические и нравственные проблемы.

Неослабевающий исследовательский интерес к личности и творчеству Розанова, конечно, в первую очередь, объясняется необычной манерой изложения своих взглядов, стилем письма. Часто розановские рассуждения о серьезных вещах выглядят почти как монологи с самим собой, как дружеский, почти интимный разговор, полунамеки, это яркие образы и непривычные сравнения. Это подкупает, иногда раздражает читателя, но такая непосредственность и привлекает, даже очаровывает.

Нередко мыслитель обращается к самым глубинным, потаенным уголкам человеческой души, не всегда благородным и приличествующим темам, и в этом для него есть особый смысл. «Наша душа, душа современного человека, какая-то резиновая, мертвая, загрязненная, которая “чувствует” только тогда, когда по ней обухом стучат» [4. — С. 34]. Розанов сам отмечал, что о хорошем, положительном даже

не пишется, а написанное выглядит скучным и неинтересным, в то время как плохое, насмешливое идет на ура и сразу вызывает реакцию. Поэтому в работах Розанова одновременно сочетаются «действительно глубокие проникновения, изящные сравнения, пронизывающие, остроумные намеки и грубые удары обуха топора, грубейшие сравнения, что-нибудь насильственное, плоское, смешно-задорное, вульгарное» [1. — С. 425].

Однако не только форма диалогизации в розановском творчестве вызывает интерес у исследователей сегодня. Это еще и удивительная прозорливость Розанова, точность в оценках, умение схватить самую суть явления — часто в нескольких словах и весьма неожиданным способом.

Чтобы проиллюстрировать это, можно привести некоторые рассуждения Розанова о, казалось бы, весьма далеких друг от друга вещах — политике, власти, государственном управлении и категориях «красота», «душа», «поэзия», личной судьбе конкретного человека.

Розанову вообще свойственно было внимание к приземленным, бытовым вещам, рассмотрение любого явления через призму его повседневного бытия. Он указывает на важность не только далекого и идеального, но и ближнего, может, и не совершенного, но родного и живого. И примечательно в этом плане рассуждение Розанова, когда после посещения Сарова с монастырем и, уже выехав из города, он писал: «Здесь лучше, с этими... веселее». Эстетика, уверяет Розанов, холодна, а теплота мира и содержится в этих грубых: «Моя зелененькая лошадь!», «Мои черноглазенькие дети», и все поименно, индивидуально, конкретно [11. — С. 310].

Такая «чувственная» публицистика Розанова — это его визитная карточка и стиль, в этом и его глубина. Мыслитель не разделяет полнокровную жизнь на формальность и интимную непо-

средственность, высокую литературу и бытовые наблюдения, все сплетается в его работах, создавая почти осязательный «мыслеобраз». Вот как Розанов пишет о своем отечестве: «Много есть прекрасного в России: 17-е октября, конституция, как спит Иван Палыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери. И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие» [6. — С. 15]. Или еще — почти оскорбительное, но одновременно трогательное и ласковое: «Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского» [6. — С. 15–16].

Окружающая жизнь, социальные и политические события, даже семейные праздники для Розанова приобретают особый онтологический смысл и статус. Он оценивает их в совершенно нетрадиционном и непривычном для всех ключе. Мыслитель задается вопросом: «Почему выдумывать (повести, романы) — не “чепуха”, а действительность — “чепуха”? Мне же кажется “состриженный ноготок” с живого пальца важнее и интереснее “целого” выдуманного человека. Которого ведь — нет!!!» [7. — С. 43].

Современные исследователи считают, что тексты Розанова мало кого могут оставить равнодушными, потому что «розановщина» сидит в каждом из нас. Анализируя действительность, пытаясь быть объективными, рассуждать отвлеченно и абстрактно, логично и разумно, нередко получаем перекосяк как раз в обратную сторону — слишком отстраненное восприятие тоже не дает настоящей картины, нужна личность, индивидуальность, частность. Это важно и актуально как в отношении рассуждений об общественно-политическом устройстве, так и в отношении

судьбы и личности отдельного человека. А анализ субъективный, частный чреват соблазнами другого рода. Стараясь казаться лучше, чем мы есть на самом деле, силясь упрятать глубоко внутри себя все свои червоточины, мы уходим от прямого зеркала, говорящего нелицеприятную правду, и все же не можем не оглянуться назад [5. — С. 23]. А там стоит невысокий рыжеватый человек, не стесняющийся сказать о себе: «С выпученными глазами и облизывающийся — вот я. Некрасиво? Что делать» [6. — С. 155]. Розанову определенно близок именно второй — эстетический, чувственный, персоналистичный подход к восприятию и анализу действительности, но обязательно максимально честный и правдивый.

При этом удивительно, что «душевное самообнажение» Розанова, как иногда называют его творчество, не имеет цели кого-либо в чем-то убедить. А.Д. Синявский отмечал тонкость розановской стилистики: «Розанову не надо было, чтобы люди, читая его книги, меняли бы свои взгляды на его жизнь. Но он хочет изменений как бы в самом составе, в структуре души читателей... У читательской души вырастет ухо и появятся ноздри в том случае, если на нее подействовать именно в этом направлении» [10. — С. 475].

О сильном мировоззренческо-формирующем воздействии работ Розанова говорит и современный исследователь творчества писателя Е.А. Ермолин. Последний сравнивает «Опавшие листья» и «Уединенное» с «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, считая, что эти книги нельзя и невозможно читать сплошняком. Они не усваиваются последовательно, в них, как молнии, вспыхивают то и дело ослепительно-неопровержимые интуиции, откровения, имеющие значимость для читателя, ищущего смысл бытия, и каждый раз находя его в новом [4. — С. 33].

Вот, например, как размышлял Розанов о сущности народной жизни в

России, указывая, что для русского человека общественное и политическое практически не пересекается. В сборнике «О писательстве и писателях» он говорит об особом отношении русских людей к началам государственности и власти. Это отношение является, по Розанову, практически «родовым» отличием нашего народа — отсюда все его беды и в этом его особая прелесть. Этой чертой русских писатель считал глубокую и органическую аполитичность. «Мы аполитичны, внегосударственны... Такого глубочайше анархического явления, как “русское общество” или вообще “русский человек”, я думаю, никогда еще не появлялось на земле. Это что-то... божественное или адское, и не разберешь» [8. — С. 558]. Причину такого положения писатель видит в том, что «все на Руси “музыканят” и, кроме “музыки”, ничем в сущности и не занимаются. Т.е. все занимаются вещами сладкими, личными, душевными» [8. — С. 558]. Возможно, и пресловутый «аполитизм» самого Розанова, в котором его неоднократно обвиняли в истории, лишь доказывает его глубочайшую и органическую связь и единство со своим народом.

В свойственной ему образной манере Розанов государство сравнивает с солдатом, а общество, нацию, народность — с поэтом, и «обняться» они не могут никогда. Кроме редких случаев и то ненадолго, как например, Отечественная война.

«Чувственное», эстетическое восприятие мира Розановым простирается и на политическую сферу: «государство — это механика, общество — это поэзия. Первое можно сравнить с фабрикою, громадную, страшную, нужную, но... не уютною. “Уютность” — особенное понятие, может быть, присущее только русскому лексикону, — присущее обществу, которое можно сравнить с деревней, селом, и как они ни мало видны и бесшумны сравнительно с фабрикою, однако сама фабрика суще-

ствуется для села, сельчан, выделявая ситцы или земледельческие орудия для их работы, жизни, обихода. Душа не видна, однако тело существует для нее» [9. — С. 68–69].

И эта «душа» диктует свои критерии оценки действительности, того, что «хорошо» и «правильно», хотя это, может быть, не всегда поддается осмыслению в категориях утилитарности и даже целесообразности. «И нужны <...> красивые зрелища эстетической истории, но ясно — не революционной, ибо для чего же такая судорога, à la Достоевский? Можно потише, поглаже, но пусть тоже — процессия, картины, что-нибудь трогательное, воспоминательное. А то по чему детей учить? Не все по книгам. Нужно, чтоб они видели, осязали, плакали, возгорались» [9. — С. 79–80].

Для Розанова, чьи идеологические симпатии определить можно было не всегда однозначно, тем не менее именно монархия была наилучшей и единственно возможной формой правления для нашей страны. Писатель объясняет это опять же не только объективными обстоятельствами природных условий, но и «субъективным фактором» — душевными склонностями русского народа. Оценивая монархию, как и все другие общественные и политические явления, эстетически, Розанов считает, что для нее нужны специальные способности. Например, по его мнению, французы не способны к такой форме правления. «У них нет ... нормальных монархических чувств. Они не способны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда монархия?» [6. — С. 60–61]. «Любить Царя» — есть действительно существо дела в монархии и «первый долг гражданина»: не по лести и коленапреклонению, а потому что иначе портится все дело» [6. — С. 36].

Если для русского человека «государство» не выступает персонифицированно как «государь», то оно чужое, внешнее, мертвое. Любовь к царю, по Розанову, должна идти от сердца, из-

нутри самого человека. Такое чувство, включает философ, не может родиться в России из разума, и в этом его сила.

Для Розанова это очевидно, потому что «общество <...> являет вдохновение, гений, талант и, наконец, прямо — небесное: по крайней мере являет какое-то электричество, которое “черт знает, что значит”, тогда как слои чиновников, или точнее благоустроенные “классы” их именно изъяты от всякого электричества, магнетизма, от всех этих “неведомых, темных сил” и являют просто клетку, составленную из железных прутьев, в которой сидит птичка» [9. — С. 70].

Интересно, что в таком эстетическом отношении к политическим феноменам Розанов был близок идеям своего в определенном смысле учителя К.Н. Леонтьева о необходимости признания красоты всеобщим критерием оценки явлений окружающего мира. Логика рассуждений очень похожа, по Леонтьеву, чем больше залогов жизненности и силы, тем ближе к красоте и истине бытия, а значит, истина в естественности и разнообразии. В биологическом и гилозоистическом отношении к миру проявились интерес и восприимчивость философа и к идейному наследию Н.Я. Данилевского [3. — С. 185–197].

Э.Ф. Голлербах отмечал, что Розанов любил Россию страстной, ненасытной, преданной любовью, но это была не слепая любовь или зоологический патриотизм, а вера и безмерная нежность к стране и народу. Не имеет смысла давать сухую академическую оценку отношению Розанова к России, оно становится очевидным из его письма к Голлербаху, где он давал такое напутствие русскому человеку: «До какого предела мы должны любить Россию: до истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”, убеждению, голове. Сердце, сердце, вот оно» [2. — С. 11].

Таким образом, несмотря на то, что Розанов не оставил какой-нибудь стройной политической теории и даже

не написал в строгом смысле сугубо политического труда, его многогранная публицистика являет собой яркий образец глубокого, внимательного, неравнодушного анализа сущности и природы русского человека, государства, истории и политики. Пытаясь сочетать несочетаемое — оценивать политические феномены, явления, события сквозь призму индивидуального

бытия, красоты, «душевности» и нравственности, Розанов чутко улавливает и указывает самую суть вещей, показывает их в новом непривычном ракурсе, заставляет по-новому взглянуть на них и задуматься. При кажущейся простоте и даже наивности суждений Розанова, это один из самых оригинальных и проницательных авторов в истории общественно-политической мысли России.

Литература

1. *Волжский А.* Мистический пантеизм Розанова // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Изд. подгот. В.А. Фатеев. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1.
2. *Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов: жизнь и творчество. Вступит. статья. Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и коммент. В.Г. Сукач. — М., 2001.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. — М., 2010.
4. *Ермолин Е.А.* Семя и слово // Энтелехия. — Кострома, 2000. — № 1.
5. *Налепин А.Л., Померанская Т.В.* Розанов@etc.ru. — М., 2011.
6. *Розанов В.В.* Опавшие листья. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
7. *Розанов В.В.* Сахарна. — М., 1998.
8. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.: Республика, 1996.
9. *Розанов В.В.* Государство и общество // Когда начальство ушло...: 1905–1906 гг. СПб., 1910.
10. *Синявский А.Д.* С носовым платком в Царствие Небесное // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Изд. подгот. В.А. Фатеев. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2.
11. *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. — ГУИПП «Кострома», 2002.